

● Юбилей

Майя Плисецкая:

Воспоминания о будущем

Указом Президиума Верховного Совета СССР за большие заслуги в развитии советского хореографического искусства солистке Государственного академического Большого театра СССР народной артистке СССР Плисецкой Майе Михайловне присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ей ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот».

Майя Плисецкая в свои юбилейные вечера всегда показывала премьеры: первое исполнение «Умирающего лебедя», первое — «Дон Кихот», первое — «Кармен»... Все они стали важными вехами творчества этой несравненной балерины и актрисы. Последними на память были «Болеро» и «Айседора». Пульсирующая энергия и страсть, выразительность египетских поз и летящий прыжок сочетались в них с изысканным жестом и удивительной красотой рук.

Эти вечера никогда не были воспоминаниями, они говорили о будущем.

Вот и теперь на предстоящем творческом вечере в Большом театре Плисецкая впервые представит в облике Анны Сергеевны, героини «Дамы с собачкой», одного из поэтичнейших рассказов А. П. Чехова. Музыку балета написал Родион Щедрин, муж и единомышленник балерины. Художником выступил талантливый Валерий Левенталь, оформлявший и чеховскую «Чайку», и «Анну Каренину» по Толстому.

Имя Майи Плисецкой давно уже стало символом, символом уникального дарования и творческой одержимости. Символом тех художников, кто творит историю искусства, кто прокладывает в нем свои пути, кто обгоняет время и вместе с тем ве-рен традициям.

Видимо, эти качества — человеческой личности и художника — и побуждают выдающихся хореографов мира посвящать Плисецкой свои работы, а театры — приглашать ее для консультаций и постановок.

Кубинец Альберто Алонсо сочинил для Майи Плисецкой блистательную «Кармен-скотту» на музыку Бизе — Щедрина, бельгийский хореограф Морис Бежар — «Айседору» и «Болеро» на музыку Равеля, француз Ролан Гти поставил балет «Гибел розы» Малера, а советский режиссер Анатолий Эфрос пригласил Плисецкую на роль Марии Николаевны Полозовой в телебалете «Фантазия» по повести «Вечные воды» И. С. Тургенева.

Плисецкая танцует Федру, жену афинского царя Тезея, в одноименном балете Сержа Лифаря на музыку Жоржа Орика в Лионском театре; она выступает в Терме Каракалле, летнем театре Рима; в Римской опере она выпускает спектакль «Раймонда» Александра Глазунова; вместе с ленинградским хореографом Дмитрием Брян-

ражала то, что мне слышалось. Всегда импровизировала, не задумываясь — смотрят на меня или нет. Как кошка не задумывается, когда крадется, прижимаясь к земле... Словом, все стремление у меня было к искусству... Нет, не к балету! — к импровизационному танцу. Но мама была уверена, что меня надо «отдать в балет»!..

...Перед концом войны в Большом театре СССР появилась юная танцовщица с высокой и тонкой фигурой, прекрасными пластичными руками, задумчивым лицом и волосами цвета старой бронзы. Ее шедеврами

знать, увидеть. Посмотреть скульптуру, послушать музыку. И прежде всего — балет. «А балетный театр сегодня настолько разный, что даже нельзя сказать, что в нем есть какое-то определенное направление. И вместе с тем есть одна общая особенность — увлечение техникой. Это — повсюду, в советском балетном театре — тоже. Кстати, то же можно наблюдать и в спорте. Посмотрите, какая сейчас техника у гимнасток — несколько лет назад в это невозможно было бы поверить! Но скажу более: сегодня спорт тяготится к артистичности, к балетному изяществу, а балет — напротив, к спорту, к простой, голой технике. И не что иное это, как мода! Но я думаю, что на людей больше действуют эмоции, чем техника».

— Судя по всему, спорт — одно из ваших любимых увлечений?

— Да, я очень люблю спорт, любой спорт. Можно сказать, что 90 его видов из 100 я воспринимаю активно. И более всего меня захватывает футбол, особенно шикарный футбол! Я была, например, на первенстве мира по футболу в Испании. Удивительно захватывающее зрелище!

— Ваша слава вас не смущает, не беспокоит?

— Нет, хорошо, когда тебя понимают, признают. Тогда понимаешь, что все делаешь не зря. У меня выдалась чрезвычайно трудная сценическая жизнь. Легких дней не было никогда. Может быть, два-три случайно за всю мою огромную, длившуюся театральную жизнь: балерина на сцене четыре с лишним десятилетия — такого не бывает... Но я не отношусь к артистам, которые танцуют для себя. Я танцую для зрителей. Мне это надо, и я несу людям то, что я могу нести. Меня на сцене держит успех. Если этот успех спадет, если интерес к моему искусству остынет, я уйду — не на следующий день, а в этот же. До тех же пор, пока я вижу внимание зала, интерес, успех, — я буду на сцене.

Значит, я даю что-то людям, и людям это надо. Если людям не надо — значит, не надо и мне...

— На мой вопрос, как она понимает выражение «мастер своего дела» применительно к балету, Плисецкая отвечает, что так же, как и к любой иной профессии. «В балете нет ничего исключительного. Все то же самое. Мастер своего дела — по-всюду Мастер. Или не Мастер. И в вашей профессии, и в моей, и в музыке, и в пении. И подлинного Мастера всегда видно!»

— Родла я в семье артистической, — вспоминает Плисецкая. — В ней были артисты и драмы, и балета, мама хорошо пела, но судьбу связала с кинематографом. Танцевала я с детства под любую музыку и изоб-

чевым ставит балет-сказку «Конек-горбунок» в Италии, а в Швеции — «Чайку».

Она снимается в художественных фильмах в драматических ролях. Ее последняя работа в кино — в фильме о Чюрлёнисе, выдающемся литовском композиторе и художнике.

...Мы сидим с Майей Плисецкой в одной из изящнейших гостиных Большого театра в стиле барокко, в который так гармонично вписывается ее пластичная фигура, облаченная в современные серебристо-черные тонов ткани, и беседуем, конечно, о балете, искусстве, как подчеркивает моя собеседница, «с большим и увлекательным будущим», о ее увлечениях, среди которых она прежде всего называет спорт, об отдыхе и вновь о ее творческих исканиях и открытиях...

— Родла я в семье артистической, — вспоминает Плисецкая. — В ней были артисты и драмы, и балета, мама хорошо пела, но судьбу связала с кинематографом. Танцевала я с детства под любую музыку и изоб-

на этой сцене стали Китри из «Дон Кихота» Минкуса, Раймонда из одноименного балета Глазунова, Аврора из «Спящей красавицы» Чайковского. Но даже среди «коронных номеров» Плисецкой есть такие, одно упоминание которых вызывает мгновенную ассоциацию с ее именем: Одетта-Одиллия в «Лебедином озере» Чайковского, «Умирающий лебедь» Сен-Санса.

На мой вопрос, как она понимает выражение «мастер своего дела» применительно к балету, Плисецкая отвечает, что так же, как и к любой иной профессии. «В балете нет ничего исключительного. Все то же самое. Мастер своего дела — по-всюду Мастер. Или не Мастер. И в вашей профессии, и в моей, и в музыке, и в пении. И подлинного Мастера всегда видно!»

— Родла я в семье артистической, — вспоминает Плисецкая. — В ней были артисты и драмы, и балета, мама хорошо пела, но судьбу связала с кинематографом. Танцевала я с детства под любую музыку и изоб-

И. МАКАРЕВИЧ.
(АПН).

Фото А. Конькова (ТАСС).